

Litera

Правильная ссылка на статью:

Линь Г. — Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А. П. Хейдока // Litera. – 2024. – № 1. DOI: "не активен" EDN: MGAZVQ URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=69682](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69682)

## Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А. П. Хейдока

Линь Гуаньцун

ORCID: 0009-0006-9397-7081

кандидат филологических наук

преподаватель, Филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь

518172, Китай, пров. Гуандун, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ [linguantsyun@mail.ru](mailto:linguantsyun@mail.ru)



---

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

### DOI:

"не активен"

### EDN:

MGAZVQ

### Дата направления статьи в редакцию:

21-01-2024

### Дата публикации:

28-01-2024

**Аннотация:** Статья посвящена изучению поликультурного феномена рассказов популярного писателя харбинской диаспоры А. П. Хейдока, издавшего в 1934 г. сборник «Звезды Маньчжурии». Автор статьи подробно анализирует события в произведениях, поведенческие приоритеты и склад ума героев, в чем органически отражаются элементы культуры Китая, России, Монголии, Египта, народов Маньчжурии, а также библейские сюжеты. Акцент сделан на разборе таинственного мира Поднебесной через буддизм и даосизм (буддийские понятия «карма», «сансара», «реинкарнация», «бардо» и буддийская предопределенность; отшельничество в даосизме). В ходе исследования в основном изучены следующие рассказы в сборнике: «Три осечки» (1932), «Маньчжурская принцесса» (1930), «Миами» (1931), «Храм снов» (1932), «Нечто»

(1931), «Собаки воют» (1929) и «Тропа» (1931). В работе применяются описательный, герменевтический, сопоставительный, историко-литературный и историко-культурный методы для анализа текстов. Научная новизна данной статьи заключается в том, что впервые проведен комплексный, междисциплинарный, включая культурологический, анализ рассказов в сборнике «Звезды Маньчжурии», рассмотрены незатронутые в ранее опубликованных работах детали, а также на основе разбора поликультурного феномена впервые определен художественный метод в произведениях. Результатом исследования стали следующие выводы: 1. Хейдок в сборник по-своему интегрирует различные элементы, которые делают произведения выразительными, увлекательными и содействуют развитию сюжета. 2. Поликультурный феномен придает рассказам в сборнике мифотворческие свойства на фоне исторической реальности. Сочетая реалистическое описание и такой культурный феномен, Хейдок создает своеобразную прозу, подобную магическому реализму, появление которого совпадает с началом творческого пути самого писателя.

### **Ключевые слова:**

буддизм, даосизм, карма, Китай, магический реализм, поликультурность, реинкарнация, сансара, харбинская диаспора, Хейдок

*Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта департамента образования провинции Гуандун КНР «Этнокультура в русской прозе китайской эмиграции (1920–1945)» (2023WQNCX083).*

Альфред Петрович Хейдок (1892–1990) — один из самых известных писателей харбинской диаспоры старшего поколения, чьи произведения читали почти все русские эмигранты в Харбине. Странствуя по многим местам и имея собственный интерес, писатель знакомился с различными культурами, которые отразил в своем литературном наследии.

После переезда из России в Харбин, с 1920-х гг. Хейдок занялся творчеством. В 1929 г. в журнале «Рубеж» был опубликован его дебют — рассказ «Человек с собакой». В 1934 г. вышел в свет сборник рассказов «Звезды Маньчжурии», который включает 16 рассказов, написанных Хейдоком в 1929–1934 гг. Местами, куда главные герои рассказов — русские попали, являются Китай, Гонконг (тогдашняя английская колония), провинция Синьцзян, маньчжурская тайга, Монголия. В сборнике объединены культуры Китая, России, Монголии, Египта, народов Маньчжурии и т. д. Как отметила Е. Г. Иващенко, «Звезды Маньчжурии» Хейдока «синтезируют культуру Запада и Востока»[\[1, с. 107\]](#).

В «Звездах Маньчжурии» китайская культура в основном отражается через элементы буддизма и даосизма, составляющие таинственный мир Поднебесной. В сборнике большое внимание читателей привлекает рассказ «Три осечки» (1932): солдат Гржебин, волонтер русского отряда китайского милитариста, озлобленный из-за того, что в китайском буддийском храме ему не досталось питьевой воды, три раза стрелял в «задумчивую, со скорбным лицом» [\[2, с. 54\]](#) статую Будды, и все три попытки дали осечку. После этого Гржебин из-за своего «бессмысленного кощунства» [\[2, с. 54\]](#) умирал три раза разными способами. Сюжет данного рассказа может объясняться буддийским понятием «карма» — вселенским причинно-следственным законом. Об этом Хейдок излагал в

автобиографическом очерке: «нет явления без причины, и какова причина — таково и следствие» [3, с. 55]. Гржебин из-за своей нетерпеливости и легкомыслия богохульствовал на Будду. Когда первый выстрел дал осечку, он попытался выстрелить второй и третий раз. Он не верил, что статуя Будды может уцелеть, когда все вокруг уже разрушено. После первого самоубийства Гржебин чудесным образом появился перед главным героем и фельдфебелем, но главный герой был уверен, что тот Гржебин, который перед ними, уже умер, так как по рассказам жителей Поднебесной умершие люди «всюду носят с собой дыхание потустороннего, и в их присутствии умирают улыбки» [2, с. 57]. Души покойников, «согласно верованиям китайцев, отошли в распоряжение неведомых властелинов неба или земли, смотря по заслугам» [2, с. 57]. Очевидно, что присутствовавший в камерке фельдфебеля Гржебин не мог попасть к властелину неба. Его казнили из-за кощунственного поведения, и ему еще предстоит две смерти за остальные две осечки. Подобный сюжет мы можем увидеть в позже опубликованном рассказе Хейдока «ЧП на посту № 2» (<1994>): главный герой рядовой Швальбах обезобразил буддийское изваяние, в результате чего он не мог двигаться и вскоре умер на месте [4, с. 64-66]. Отсюда мы можем отметить принятие и строгое соблюдение Хейдоком вселенского причинно-следственного закона. Писатель также подчеркнул: «этот закон никто не может отменить, поэтому раскаявшиеся грешники <...> получают в любом случае полную меру воздаяния» [3, с. 54].

В «Звездах Маньчжурии» рассказ «Маньчжурская принцесса» (1930) наполнен ориентальным колоритом. Когда главный герой рассказа художник Багров рисовал на холме, он увидел призрак своей жены предыдущего круга жизненных перерождений — «девушки в древнем одеянии принцесс Цинской династии [1616–1912 — Л. Г.]» [2, с. 76], что освежило его память предыдущего перерождения: он тогда был Яшкой Багром, атаманом шайки разбойников. Захваченная им маньчжурская принцесса влюбилась в него, спасла от маньчжуров и после они двенадцать лет прожили вдвоем в тайге, занимаясь охотой. Но такая счастливая жизнь с взаимной любовью закончилась тем, что однажды их убил страшный медведь. В этом рассказе отражаются буддийские понятия сансары и реинкарнации, согласно которым человек не исчезает из мира совсем, после смерти он может перерождаться, его благоприятное или неблагоприятное перерождение решается с учетом прижизненных поступков (закон «карма») [5, с. 601]. Хейдок в своем устном рассказе объяснил, что эти понятия о том, что «человек живет на Земле сотни тысяч раз, что человеческая душа бессмертна. Она не умирает при физической смерти. Переходя в иной мир, она снова возвращается на Землю, и, рождаясь в новом теле, начинает следующую жизнь» [3, с. 55]. Именно любовь к маньчжурской принцессе, сохраненная тайно и подсознательно до сих пор, помогла Багрову вспомнить предыдущее перерождение.

В конце рассказа «Маньчжурская принцесса», восстановивший память о предыдущем перерождении Багров сказал, что, для того чтобы сразу встретиться с маньчжурской принцессой, он хотел совершить самоубийство, но он опасался, что самоубийством он провинится «перед Творцом Вселенной, и в наказание снова века лягут между нами [Багровым и маньчжурской принцессой — Л. Г.]» [2, с. 86]. Поэтому с помощью своих китайских друзей он стал даосским монахом, доживая до конца жизни отшельником и дожидаясь встречи с маньчжурской принцессой после смерти. В монастыре он мог «выпустить на себя всех зверей своего духа: тоску культурного человека, живущего в глуши, отсутствие возможности заниматься искусством и читать и, наконец, — самовнушение» [2, с. 86]. Все три мировые религии (буддизм, христианство и ислам)

рассматривают самоубийство как преступление. Согласно этим религиям, людей, которые покончили жизнь самоубийством, ждет серьезное наказание. В высказывании и поведении Багрова отражается идея Хейдока о том, что нужно следовать законам природы и не идти против них ради достижения определенной цели. «В Китае отшельнический образ жизни восходит к высшей даосской ценности "недеяние" — созерцательной пассивности» [6, с. 119]. С помощью отшельничества человек может удалиться от мирской суеты и сосредоточиться на самосозерцании.

В рассказе «Миами» (1931) ни во что не верующий русский контрабандист Кузьмин был далеко от того места, где в родах умерла его жена Миами, удочеренная китайской деревней. Вернувшись и узнав о ее смерти, он обратился к местному (китайскому) медиуму, чтобы тот помог с ней встретиться, войти в контакт, поговорить. По расчетам медиума дух Миами еще не покинул дом и медиум сделал так, что дух Миами вошел в его тело, заговорил с Кузьминым и предсказал смерть, и через пять дней после того, как Кузьмин тоже умрет, Кузьмин и Миами встретятся. Как и мечтавший о встрече с женой Багров из рассказа «Маньчжурская принцесса», Кузьмин после получения смертельного пулевого ранения, уже будучи в больнице, рассчитал оставшееся время своей жизни. В конце рассказа точно на пятый день Кузьмин умер. Согласно буддийским идеям, покойники не сразу покидают мир и перерождаются: они переходят в промежуточное состояние «бардо» между смертью и следующим перерождением, которое длится не дольше сорока девяти дней [7, с. 81-82]. В предсказании Миами и финале данного рассказа также отражается буддийская линия — «предопределенность, неотвратимость событий» [8, с. 61]: в отличие от христианства, которое подчеркивает свободу воли человека, в буддизме полагается, что у человека есть скрытый и неизбежный жизненный путь.

В отличие от вышеотмеченных рассказов, Хейдок придал рассказу «Храм снов» (1932) колорит других культур. В данном рассказе Кострецов в безлюдной местности случайно обнаружил на камне изображение ибиса, и сразу ассоциировал его с древнеегипетским богом Луны и мудрости Тотом, который является «мужем божественной Маат... Греки отождествляли его с Гермесом Трисмегистом» [2, с. 117]. Главный герой прапорщик Рязанцев и Кострецов решили остаться и провести исследование, и они нашли на холме Храм снов. В рассказе «Нечто» (1931) из «Звезд Маньчжурии», будучи в экспедиции, миллионер Стимс сказал спутнику, русскому стрелку, что он увидел женщину, на которой «была огненно-красная мантия и убор из страусовых перьев на голове» [2, с. 68], и решил продолжить искать Нечто. Стоит отметить, что перо страуса служит символом богини истины и справедливости древнего Египта, супруги Тота Маат [9, с. 269]. Эти две мифологические фигуры подняли у героев рассказов страсть к исследованию, стимулировали их на поиск тайного и неизвестного. Сам Хейдок, по имеющимся данным, за всю жизнь никогда не бывал в Египте. Он был заморожен не только культурой страны, куда он эмигрировал, но интересовался культурой и других далеких стран. Писатель добавил различные культурные детали в свои произведения, чтобы в текстах была ярко отражена поликультурность. В рассказе «Нечто» Стимс и его слуга звали русского стрелка Илью другим именем «Элия». Мы можем связать Илью с библейским пророком Илией, имя которого на иврите — «Элийя» [10, с. 56]. Несогласие Ильи с мнением Стимса и их драка предвещает, что Стимс не найдет Нечто, а, скорее всего, как предыдущие искатели приключений, впадет в заблуждение.

В сборнике «Звезды Маньчжурии» Хейдок много раз упоминал барона Унгерна фон Штернберга (напр., «Безумие желтых пустынь», «Нечто», «Храм снов», «Черная

палатка», «Собаки воют»), который вел «осатанелых бойцов на Ургу [ныне Улан-Батор — Л. Г.] — восстанавливать Чингисханово великое государство» [2, с. 32], что доказывает увлечение писателя этой яркой личностью первой трети XX в. Кроме того, Хейдок в своих произведениях также описал монгольскую культуру. Например, в рассказе «Собаки воют» (1929), старый монгол Тай-Мурза услышал вой собак, переживая за своих пошедших на грабеж молодцов, он зажег курения перед богами. Он объяснил главному герою: «Собаки воют — смерть ходит по степи» [2, с. 168]. Возжигание курений является буддистским обрядом загадывания желаний, во что верят монголы. Когда молодцы успешно вернулись, на воровском ужине они в добыче обнаружили «кружку с резиновой трубкой и наконечником» [2, с. 169]. Монголы долго не могли разобраться с этой кружкой, считали ее богом деторождения. Драка произошла за ужином, так как два парня хотели из добычи взять этого «бога» с собой. В буддизме существует богиня Гуань-инь, дарящая детей. Здесь мы можем отметить, что буддизм глубоко воспринят в монгольской культуре и представлении обычных монголов. Деторождение имеет важное значение в монгольской традиции.

В рассказе «Тропа» (1931) Хейдок тоже описал тему деторождения. В маньчжурской тайге у кочующих солонов (подгруппы эвенков, проживающей в Маньчжурии — ныне северо-восточном Китае) существует такая «философия»: «Род должен иметь много-много маленьких людей, чтобы они заполнили табор, вырастали и становились сильными охотниками... Поэтому — почет только матерям» [2, с. 161]. Это характерно для кочевых народов, у которых потомки служат важным обеспечением жизненных условий и оказывают определяющее влияние на будущее.

В «Звездах Маньчжурии» во многих деталях отражается и русская культура. Так, в рассказах упоминаются прозвища героев: Яшка Багор, Васька Жги Пятки, Сенька Косой, Митька Головотяп, Ерш Белые ноги и Рябой Аматаун. Прозвища часто употребляются в русском фольклоре, образно информируя о внешности героев и их характере, заменяя имена. Появление прозвищ обусловлено умением русских зафиксировать особенности «в ярком и образном слове или выражении», и они «составляют значительный пласт в народно-поэтическом творчестве русского народа» [11, с. 140, 153]. В сборнике персонажи поют русские песни (народные и авторские), например, в рассказе «Три осечки» отдыхающие волонтеры-солдаты русского отряда пели: «О чем дева плачешь, / О чем слезы льешь...» [2, с. 55]. Это усиливает грустное, подавленное настроение солдат после первой смерти Гржебина из-за кощунства в адрес Будды и предвещает трагическое продолжение рассказа — Гржебина ждут еще две смерти. В рассказе «Маньчжурская принцесса» Багров, будучи атаманом разбойников в предыдущем перерождении, перед боем с маньчжурами пел: «Эх-ма! Ух! Ух! / Как девица молодая / Рано поутру за медом шла...» [2, с. 82-83], и к нему присоединилась «беснующаяся перед концом ватага» [2, с. 83]. Его песня, с одной стороны, служит для подъема боевого духа шайки, а с другой стороны, обозначает отчаяние перед сильными врагами. В рассказе «Тропа» вместо подробного описания Хейдок использовал русскую песню на слова поэта Н. А. Некрасова: «Знает только рожь высокая, / Как поладили они...» [2, с. 162], намекая на тайный роман между Агнивцевым и женщиной из племени солонов Турпи, который потом ненавидела симпатизирующая Агнивцеву Мари. Эмигрант-писатель Хейдок в свои произведения добавил элементы русской культуры для выражения тоски по стране, где он жил в молодости, где русские песни играют намекающую роль для развития сюжета.

На жизненный путь и творчество Хейдока судьбоносно повлиял его учитель, художник и теософ Н. К. Рерих, который в предисловии к сборнику «Звезды Маньчжурии» отметил,

что «рассказы эти, прежде всего, углублены качеством убедительности, этим редким отличием, свойственным лишь чему-то действительно пережитому, пережитому» [2, с. 31]. Безусловно, рассказы в данном сборнике основаны на историческом фоне, пережитом самим Хейдоком. Например, сюжет рассказа «Три осечки» происходит в русском отряде китайского милитариста Чжан Цзунчана, одного из руководителей Фэнтяньской клики во время эры милитаристов в Китае (1916–1928); в рассказе «Храм снов» главному герою, убежавшему из концентрационного лагеря войск Б. В. Анненкова, приснились А. В. Колчак, Б. В. Анненков, барон Унгерн фон Штернберг — видные деятели Белого движения (1917–1922). Писатель помимо реального исторического фона одновременно в рассказы сборника «Звезды Маньчжурии» добавил детали различных культур. С одной стороны, насыщенные поликультурностью рассказы увлекательны, как игра стеклышек в калейдоскопе. С другой стороны, именно эти культурные детали способствуют развитию сюжета произведений. Так, именно закон кармы наказал совершившего кощунство Гржебина самоубийством в рассказе «Три осечки»; в рассказе «Маньчжурская принцесса» Багров увидел призрак своей жены предыдущего перерождения и вспомнил всю историю; в рассказах «Три осечки», «Маньчжурская принцесса» и «Тропа» песни, где отражается русская культура, подсказали дальнейшее продолжение истории. Стоит отметить, что магический реализм возник, когда Хейдок только еще начал свой творческий путь в 1920-е гг. В сборнике поликультурный феномен придает рассказам мифотворческие свойства при «наличии конкретных и узнаваемых черт исторической реальности» — «неотъемлемой черте магического реализма» [12, стб. 491]. Такой феномен воздействует на судьбы героев и подчиняет их себе. В произведениях стерты границы между реальным и ирреальным: и герои, и читатели не могут разделить их в созданном писателем мире.

В заключение отметим, что доминантой произведений Хейдока является феномен поликультурности: писатель интегрирует в свои рассказы элементы культур разных народов Азии и Европы, включая сюжеты из Библии, что показывает его обширные знания. Это создает выразительность, обогащает сюжетную линию и делает рассказы увлекательными. Хейдок использует метод реализма в описании, сочетает его с поликультурностью и, таким образом, создает своеобразную прозу, наподобие магического реализма.

## Библиография

1. Иващенко Е. Г. Пересечение культурных традиций в сборнике А. Хейдока «Звезды Маньчжурии» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2: Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти В. А. Слободчикова / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2008. С. 104–108.
2. Хейдок А. П. Звезды Маньчжурии: Рассказы. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 336 с.
3. Хейдок А. П. Страницы моей жизни. М.: Дельфис, 2011. 232 с.
4. Хейдок А. П. Радуга чудес. М.: Издательство Духовной Литературы, 2001. 118 с.
5. Лысенко В. Г. Сансара // Философия буддизма: Энциклопедия / Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011. С. 601–603.
6. Линь Гуаньцун. Этноментальность как предмет изображения в художественной прозе русской эмиграции (Харбин, 1920-е–1930-е годы): дис. ... канд. филол. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 208 с.
7. Тибетская книга мертвых (с комментариями Франчески Фримантл и Чогьяма

- Трунгпы) / Пер. с англ. А. Блейз, В. Рынкевича. М.: София, 2003. 116 с.
8. Лебедева Н. А. «Китайская нота» в цикле рассказов А. П. Хейдока «Звезды Маньчжурии» // На перекрестках филологических дорог. Сборник статей: К юбилею доктора филологических наук, профессора Елены Александровны Первушиной / Отв. ред. Т. И. Петрова. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2014. С. 53–62.
  9. Рак И. В. Египетская мифология. М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2004. 320 с.
  10. Тхор В. Илия // Библейский толковый словарь Виктора Тхора: Третья редакция переработанная и дополненная. Ч. 3: Словарь библейских имен и их значений. Сакраменто, 2018. С. 56.
  11. Карташева И. Ю. Прозвища-присловья в русском фольклоре // Фольклор Урала. Вып. 8: Современный фольклор старых заводов. Свердловск: Уральский государственный университет, 1984. С. 140–153.
  12. Гугнин А. А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 489–492.

## Результаты процедуры рецензирования статьи

*В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.*

*Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).*

Природа художественного текста синкретична, следовательно, и рассматривать его необходимо с разных аналитических позиций. Таким образом, ориентир на некую смежность оценки вполне оправдан, он достаточно конструктивен, но и по-своему сложен. Автор рецензируемой статьи обращается к анализу сборника рассказов А.П. Хейдока «Звезды Маньчжурии». В начале работы отмечено, что «Альфред Петрович Хейдок (1892–1990) — один из самых известных писателей харбинской диаспоры старшего поколения, чьи произведения читали почти все русские эмигранты в Харбине. Странствуя по многим местам и имея собственный интерес, писатель знакомился с различными культурами, которые отразил в своем литературном наследии», «после переезда из России в Харбин, с 1920-х гг. Хейдок занялся творчеством. В 1929 г. в журнале «Рубеж» был опубликован его дебют — рассказ «Человек с собакой». В 1934 г. вышел в свет сборник рассказов «Звезды Маньчжурии», который включает 16 рассказов, написанных Хейдоком в 1929–1934 гг. Местами, куда главные герои рассказов — русские попали, являются Китай, Гонконг (тогдашняя английская колония), провинция Синьцзян, маньчжурская тайга, Монголия. В сборнике объединены культуры Китая, России, Монголии, Египта, народов Маньчжурии и т. д. Как отметила Е. Г. Иващенко, «Звезды Маньчжурии» Хейдока «синтезируют культуру Запада и Востока». Обзор и анализ сборника «Звезды Маньчжурии» в исследовании полновесен и объемён; автор стремится охарактеризовать и оценить разные грани этого сочинения. Причем стиль статьи полноценно соотносится с собственно научным стилем. Цитации даются с учетом требований издания: например, «в «Звездах Маньчжурии» рассказ «Маньчжурская принцесса» (1930) наполнен ориентальным колоритом. Когда главный герой рассказа художник Багров рисовал на холме, он увидел призрак своей жены предыдущего круга жизненных перерождений — «девушки в древнем одеянии принцесс Цинской династии [1616–1912 — Л. Г.]» [2, с. 76], что освежило его память предыдущего перерождения: он тогда был Яшкой Багром, атаманом шайки разбойников. Захваченная им маньчжурская принцесса влюбилась в него, спасла от маньчжуров и после они двенадцать лет прожили вдвоем в тайге, занимаясь охотой. Но такая

счастливая жизнь с взаимной любовью закончилась тем, что однажды их убил страшный медведь. В этом рассказе отражаются буддийские понятия сансары и реинкарнации, согласно которым человек не исчезает из мира совсем, после смерти он может переродиться, его благоприятное или неблагоприятное перерождение решается с учетом прижизненных поступков (закон «карма») [5, с. 601]» и т.д. Не лишена работа и т.н. промежуточными комментариями, они нужны для неподготовленного читателя. Методология анализа сборника «Звездах Маньчжурии» актуальна, здесь и литературоведческий, и культурологический, и философский ракурсы. Автор использует клише-связки, они поддерживают общую логику научной наррации: например, «В отличие от...», «стоит отметить...» и т.д. Не исключается, а наоборот пестует литературный и культурный контекст, достаточно верно дан ориентир, например, на Н.А. Некрасова, Н.К. Рериха и др. Работа имеет законченный вид, материал можно продуктивно использовать в ходу освоения ряда гуманитарных дисциплин. Общие требования издания учтены; серьезная правка текста и излишня. Должная аналитика в тексте налична: «на жизненный путь и творчество Хейдока судьбоносно повлиял его учитель, художник и теософ Н. К. Рерих, который в предисловии к сборнику «Звезды Маньчжурии» отметил, что «рассказы эти, прежде всего, углублены качеством убедительности, этим редким отличием, свойственным лишь чему-то действительно пережитому, пережитому» [2, с. 31]. Безусловно, рассказы в данном сборнике основаны на историческом фоне, пережитом самим Хейдоком. Например, сюжет рассказа «Три осечки» происходит в русском отряде китайского милитариста Чжан Цзунчана, одного из руководителей Фэнтяньской клики во время эры милитаристов в Китае (1916–1928); в рассказе «Храм снов» главному герою, убежавшему из концентрационного лагеря войск Б. В. Анненкова, приснились А. В. Колчак, Б. В. Анненков, барон Унгерн фон Штернберг — видные деятели Белого движения (1917–1922). Писатель помимо реального исторического фона одновременно в рассказы сборника «Звезды Маньчжурии» добавил детали различных культур. С одной стороны, насыщенные поликультурностью рассказы увлекательны, как игра стеклышек в калейдоскопе». Автор в финале текст отмечает, что «доминантой произведений Хейдока является феномен поликультурности: писатель интегрирует в свои рассказы элементы культур разных народов Азии и Европы, включая сюжеты из Библии, что показывает его обширные знания. Это создает выразительность, обогащает сюжетную линию и делает рассказы увлекательными. Хейдок использует метод реализма в описании, сочетает его с поликультурностью и, таким образом, создает своеобразную прозу, наподобие магического реализма». Считаю, что цель данной работы достигнута, тема раскрыта, а поставленный спектр задач решен. Рекомендую рецензируемую статью «Поликультурность как предмет изображения в сборнике рассказов «Звезды Маньчжурии» А.П. Хейдока» к открытой публикации в научном журнале «Litera».